

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

DOI: 10.34130/2233-1277-2021-2-40

Ю. С. Ананьева¹, А. Г. Жаркова²

¹Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, Российская Федерация;

²Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова,
г. Барнаул, Российская Федерация

Гостиничная архитектура как маркер историко-культурных локаций: основные векторы развития

Статья посвящена рассмотрению основных тенденций развития гостиничного сектора культурных индустрий, обозначившихся на начальном этапе модернизации культуры в конце XIX — начале XX в. Отслеживаются стержневые векторы развития гостиничной архитектуры как своеобразные «маркеры» различных туристических локаций, включая их историко-культурную компоненту. Отдельно рассматриваются такие векторы, как вектор преимущественной архитектурной стандартизации; вектор, связанный со стремлением отказаться от стандартных и функционально-типовых архитектурных решений, с опорой на уникальность проектов, включая их соотносимость с особенностями местных культур; вектор, специфика которого выражена в тенденции сбалансированного смешения архитектурной стандартизации с наличием местного колорита; вектор, связанный с отражением «духа места» других культур, историко-культурных зон и эпох. Отмечается сложная природа взаимопереплетения и взаимодействия указанных векторов, которые в чистом виде в туристиче-

ческом секторе встречаются реже, чем их смешанные формы. Статья содержит ряд примеров из мировой и общероссийской практики. Кроме того, отдельно рассматривается проявление указанных тенденций на материале Республики Алтай с привлечением ряда примеров гостиничной архитектуры Алтайского края.

Ключевые слова: историко-культурная зона, туристическая индустрия, массовая культура, стандартизация, историко-культурные стилизации.

Yu. S. Ananyeva¹, A. G. Zharkova²

¹Altai State Pedagogical University, Barnaul, the Russian Federation;

²Altai State Technical University named after I. I. Polzunov, Barnaul, the Russian Federation

Hotel Architecture as a Marker of Historical and Cultural Locations: the Main Vectors of Development

The article is devoted to the main trends in the development of the hotel sector of cultural industries, which were identified at the initial stage of cultural modernization in the late 19th — early 20th centuries. The core vectors of the development of hotel architecture are tracked, as a kind of “markers” of various tourist locations, including their historical and cultural component. The following vectors are considered separately: the vector of preferential architectural standardization; the vector associated with the desire to abandon standard and functional-standard architectural solutions, based on the uniqueness of projects, including their correlation with the peculiarities of local cultures; the vector whose specificity is expressed in the tendency to balance the mixing of architectural standardization with the presence of local color; the vector associated with the reflection of the “spirit of the place” of other cultures, historical and cultural zones and epochs. The complex nature of the interweaving and interaction of these vectors is noted, which in their pure form are less common in the tourism sector than their mixed forms. The article contains a number of examples from the world and all-Russian practice. In addition, the manifestation of these trends is considered separately on the example of the Altai Republic, with the involvement of a number of examples of hotel architecture in the Altai Territory.

Keywords: historical-cultural zone, tourism industry, mass culture, standardization, historical-cultural stylizations.

Введение. Гостиницы существуют с давних времен и являются неперенным спутником внутрикультурных и межкультурных контактов. Постоялые дворы и караван-сарай, обеспечивавшие от-

дых и безопасность торговцев, были известны уже в эпоху античности. С течением времени постоянные дворы и гостиницы, задачей которых было обеспечить человеку временное проживание в месте, далеком от его дома, распространились во многих культурах, порой играя роль своеобразных «маркеров» мест, в которых они находились. Маркируя пространство определенных территорий, данные места становились своеобразными «точками гравитации», порой обладающими особой смысловой аурой и неповторимыми формами. Вследствие данного феномена, когда гость начинал воспринимать некую локацию через гостиничную компоненту, постоянные дворы и аналогичные заведения становились для людей извне значимыми образами соответствующих мест, иначе говоря, среди множества сооружений, существующих в той или иной локации, лишь некоторые — в том числе и гостиницы — стали выделяться.

Всплеск гостиничного строительства во многом связан с процессами модернизации (ростом промышленного производства, расширением сети коммуникаций, увеличением числа контактов, урбанизацией, массовизацией культуры и т. д.), затронувшими многие культуры во второй половине XIX — начале XX в. В рамках данных процессов внешний облик постоянных мест, караван-сараев и гостиниц, первоначально имевших общие формы во многих культурах (что во многом было обусловлено функциональными особенностями данных сооружений), стал достаточно сильно преобразовываться. Так, в дореволюционной России в 1910 г. в одной только Москве работало 228 гостиниц, не считая 77 постоянных дворов. Крупнейшими гостиницами Москвы к началу XX в. были «Гранд-отель» (снесена в 1976 г. при строительстве 2-й очереди гостиницы «Москва»), «Боярский двор» (здание сохранилось до наших дней, в нем размещается администрация Президента РФ), «Новомосковская» (сегодня — «Балчуг Kempinski»), «Европа» (здание не сохранилось), «Славянский базар» (закрыта после 1917 г.), «Лейпциг» (сегодня в здании гостиницы располагаются офисы). Большой популярностью пользовались у приезжих гостиницы «Националь», «Метрополь», «Савой». Многие гостиницы Москвы («Славянский базар», «Альпийская роза») славились на всю столицу своими ресторанами.

В XX столетии, на фоне усложняющихся процессов модернизации, усиления роли массовой культуры и последовавшей далее гло-

бализации, туристическая индустрия, включая ее гостиничную составляющую, продолжала преобразовываться. Важным фактором, способствующим трансформациям гостиничного сектора, стала деятельность культурных индустрий, во многом стимулирующих рост числа путешествий в указанный период.

Методология исследования. Методология строится на фиксации явных корреляций между процессами развития гостиничной индустрии и *историко-контекстуальными изменениями*, выраженными в росте степеней влияния модернизационных процессов на социокультурную реальность. *Органические* связи, пронизывающие всю систему культуры, позволяют отследить динамику какого-либо ее элемента в тесной связи с общесистемными изменениями, что проливает свет и на природу трансформаций изучаемого предмета. *Многовариативное развитие* гостиничного туристического сектора в условиях модернизации может быть отслежено в контексте *системного подхода*, с учетом анализа *диахронных* и *синхронистических процессов* в изучаемой сфере.

Результаты исследования. Характеризуя указанные выше преобразования в туристической отрасли, А. Бронуицкая выделяет два вектора развития гостиничной архитектуры [1]. *Первый вектор* связан с развитием массового туризма в 1960-х гг., в частности с растущей стандартизацией туристической отрасли. В гостиничном секторе данный вектор выразился в распространении унифицированных и относительно «типовых» гостиничных сооружений и комплексов по всему миру.

В рамках указанного вектора архитектурные формы и уникальность художественных компонент многих гостиниц нередко нивелировались. Унификация и стандартизация порой приводили к уничтожению индивидуальных стилей и характеристик зданий. Тем не менее опыт развития мировой архитектуры показывает, что многие инновации, связанные в том числе и с тенденциями унификации и «стандартизации», спустя определенное время могли обрести черты индивидуальности и традиционности. Проявления указанного феномена, имеющего во многом парадоксальный характер, можно наблюдать и в наши дни с некоторыми «типовыми» гости-

ницами, которые сливаются с «духом места», становясь его органической частью.

Показательно в данном плане мнение многих представителей художественной культуры России, достаточно критически реагиовавших на застройку Санкт-Петербурга и Москвы доходными домами, замещавшими 1–2-этажный городской ландшафт. Так, А. Бенау, реагируя на городские инновации указанного времени, писал: «Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что за послѣднее время обликъ этого “генія” сталъ нѣсколько портиться. <...> Петербургъ за послѣднія 50 лѣтъ не тотъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ какъ-то повеселѣлъ, не къ лицу помолодѣлъ — и даже начинаетъ теперь мало-помалу походить на моветоннаго франта. <...> растетъ какая-то подозрительная трава съ веселенькими цвѣточками: воздвигаются какіе-то огромные дома съ “пріятными”, “роскошными” фасадами <...> — происходитъ, словомъ, что-то неладное, что-то даже прямо неприличное. Нѣсколько лучшихъ сооружений и вовсе исчезли за это время. <...> ежегодно исчезаютъ цѣлыми десятками прелестные особнячки Александровскаго и Екатерининскаго времени, перестраиваются въ огромные и роскошные доходные дома...» [2, с. [64] 2]. Также о данной тенденции в своем дневнике писал С. Р. Минцлов, указывая, что «Старый Петербург все уничтожается и уничтожается... Нет ни одной улицы почти, где бы старые двух- и даже трехэтажные дома не ломались; теперь на их месте возводятся новые кирпичные же громады...» [3, с. 73]. Не менее показательной является цитата из дневника Ф. М. Достоевского: «А теперь, теперь... право, не знаешь, как и определить теперешнюю нашу архитектуру. Тут какая-то безалаберщина, совершенно, впрочем, соответствующая безалаберщине настоящей минуты. Это множество чрезвычайно высоких (первое дело высоких) домов под жильцов, чрезвычайно, говорят, тонкостенных и скупно выстроенных, с изумительной архитектурой фасадов: тут и Растрелли, тут и позднейшее рококо, дожевские балконы и окна, непременно оль-де-бёфы и непременно пять этажей, и все это в одном и том же фасаде» [4, с. 107]. Еще более эмоционально о тенденциях застройки старых городских районов доходными домами писала М. Цветаева:

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных

Все исчезаете вы,
<...>
Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы — их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы [5, с. 32—33].

При этом подобные инновации последней трети XIX — начала XX в. в настоящее время «вросли в ткань» культуры обеих столиц и являются особым маркером их ландшафта. Одной из значимых «зацепок» для индивидуализации указанных сооружений стали фасады, о создании которых Достоевский в том же дневнике писал: «Дожевское-то окно ты мне, братец, поставь неотменно, потому чем я хуже какого-нибудь ихнего голоштанного дожа; ну а пять-то этажей ты мне все-таки выведи жильцов пускать; окно окном, а этажи чтобы этажами; не могу же я из-за игрушек всего нашего капитала решиться» [4, с. 107]. Примечательно, что во многих гостиничных проектах XX—XXI вв., выполненных с высокой степенью стандартизации, именно фасады, включая их незначительные украшения в виде мозаик, балконов, панно, вывесок с названиями магазинов и ресторанов и т. п., становятся «лазейкой», через которую то или иное здание обретало индивидуальные черты.

Возвращаясь к основной линии статьи, отметим, что использование приемов стандартизации и унификации не только существенно снижало экономические затраты владельцев гостиниц, но и создавало некую глобальную и узнаваемую среду, в которой массовый потребитель, привыкший к определенному спектру услуг и по сути ожидающий их, чувствовал себя весьма комфортно. При всех критических нюансах таких противоречивых явлений, как массовизация и глобализация культуры, нельзя согласиться с распространенным мнением, что они полностью лишены позитивных моментов, связанных с созданием общего поля межкультурного диалога, связей и взаимообмена. Показательным в рассматриваемом вопросе выглядит оформление множества систем классификации

гостиниц, в том числе и туристических комплексов, по звездам, буквам, коронам, категориям и т. д. Что во многом свидетельствует о высокой степени стандартизации отрасли.

Среди других примеров распространения стандартизированных решений в гостиничном секторе, включая унифицированную сферу услуг, можно назвать старейшую советскую и российскую туристическую компанию «Интурист». Компания присутствует в 80 регионах РФ и сотрудничает с 7000 партнерами в 168 странах мира. Также заслуживает внимания международная гостиничная сеть, состоящая из более чем 140 гостиниц, — Park Inn by Radisson. Гостиницы данной сети, будучи расположены в разных городах за рубежом и в России, располагают комфортабельными номерами, включая «стандартные», а также предлагают соответствующий спектр услуг: разнообразные удобства, рестораны, переговорные комнаты и пр. В данном случае сама форма сетевых гостиниц уже сама по себе склоняет к тому, чтобы все было стандартно, удобно и узнаваемо.

Второй вектор, став своеобразным ответом на первый, выразился в отказе от стандартных и функционально-типовых архитектурных решений и опоре на уникальность и индивидуальность проектов, включая их связь с особенностями местных культур и ландшафтов. Делалось это посредством поиска форм и спектра услуг, отвечающих «духу» различных мест, их историко-культурным, этно-традиционным и иным особенностям. Одной из тенденций, породивших указанный вектор, по мнению А. Броновицкой, является усилившееся в сер. 1980-х гг. постмодернистское увлечение локальной идентичностью, что привело к распространению в туристическом секторе концепции «путешествия как целостного “опыта”, что подразумевает возможность приобщиться (в максимально безопасной форме) к местной культуре не только на улице, но и в своем отеле» [1, с. 76].

Развитие указанного вектора, помимо сугубо экономических последствий, связано с усилением привлекательности мест, трансляцией и популяризацией традиционных образов и форм культур разных этносов и историко-культурных зон, что во многом способствует сохранению и обновлению их традиций. В основном указанное направление деятельности реализуется не в крупных сетевых гостиничных структурах, а в гостиничных компаниях среднего и малого звена, в том числе и в малых частных отелях. Данный век-

тор достаточно перспективен в современных условиях, однако его реализация достаточно сложна, поскольку требует определенного уровня историко-культурной грамотности со стороны держателей гостиниц, порой достаточно весомых капиталовложений и пр. Кроме того, необходим определенный уровень грамотности со стороны потребителей, что в рамках господства массовой культуры достаточно проблематично.

Отталкиваясь от тезисов А. Броницкой, отметим, что указанные векторы встречаются как в *чистом*, так и *смешанном* виде (что бывает достаточно часто и может представлять собой *самостоятельный, смешанный или третий вектор развития изучаемого явления*), при этом комбинируясь в разных пропорциях. Например, многие гостиницы, создаваемые в рамках «стандартизирующего» вектора, так или иначе обретали некий территориальный окрас, специфику и индивидуальность (что характерно для второго из рассматриваемых векторов), порой становясь «визитными карточками» мест своего расположения.

Примечательно, что в 1950-х годах ряды московских гостиниц пополнили такие гостиницы, как «Алтай», «Восток», «Заря», «Золотой колос», «Останкино», «Турист», «Ярославская», а также гостиницы «Украина» и «Ленинградская», чьи высотные здания, включая спектр представляемых в них услуг, становились новыми и вполне индивидуализированными достопримечательностями столицы. В последующие годы новые гостиницы в Москве строились в основном за пределами Бульварного кольца — на Ленинском проспекте («Южная», «Салют»), на Ленинградском проспекте («Аэрофлот»), в Измайлово (гостиничный комплекс «Измайлово»), также становясь «туристическими маркерами» города и соответствующих районов, впитывая часть их историко-культурного колорита.

В рамках вектора «*духа места*» и отказа от стандартизации также присутствует масса примеров *частичной* реализации данного направления развития гостиничного дела, что вполне естественно и связано со спецификой самой гостиничной отрасли. Посетителю порой важно ощутить колорит места, слегка соприкоснуться с аутентичной историко-культурной средой, но не погрузиться в нее полностью, вкусив все особенности традиционного образа жизни, аутентичной кухни и быта, — что во многих случаях достаточно сложно для неприученного к определенным условиям быта по-

требителя. Как следствие, индивидуальность и связь с историко-культурными особенностями места во многих случаях заявляется, но реализуется частично. Тем не менее существуют примеры и полного погружения в колорит определенных культур и территорий на уровне этно-гостиниц, этно-деревень, а также некоторых форм «нетрадиционного» и экстремального отдыха.

Отмеченные тенденции соприсутствия указанных «векторов» можно наблюдать и на уровне отдельных регионов России. Одним из таких регионов, где сильно распространен туризм, является Республика Алтай — регион России на юге Сибири, находящийся в самом центре Евразийского континента. Республика Алтай соседствует с Алтайским краем, Новосибирской областью, Кемеровской областью, с Республиками Тува и Хакасия, также регион является пограничным с Казахстаном, Монголией и Китаем.

Активное развитие туризма на Алтае началось во второй половине XX в. Среди популярных на сегодняшний день видов отдыха наибольшим спросом пользуются автомобильный, пеший, конный, водный, альпинистский, лечебно-оздоровительный, фестиваль, охотничий, рыболовный, спелеологический и иные виды отдыха, напрямую или частично связанные с гостиничной сферой. Даже с учетом того, что для многих туристов Горного Алтая важно погрузиться в экстремальные условия, туристическая база или отель могут выступать местом, откуда совершаются радиальные прогулки, пешие или конные походы либо осуществляется транзитный отдых. Как следствие, на территории Республики Алтай появилось большое количество туристических баз, гостиниц и кемпингов самого разного уровня экономической доступности, предоставляющих целый спектр услуг, в том числе и связанных с позиционируемой историко-культурной зоной и природной средой.

Индустрия туризма является одним из эффективных путей, обеспечивающих преемственность культурогенеза, представляющего собой противоречивое единство процессов сохранения, трансляции и обновления культуры [6, с. 7]. В Республике Алтай многие жители являются хранителями традиционной культуры, они продолжают транслировать и адаптировать к современности многие ее аспекты. Указанное качество находит свое проявление и на уровне трансляции традиционных аспектов архитектуры в гостиничной сфере. При этом, как отмечает Г. Ф. Терещенко: «В процес-

се строительства новых объектов среды и реконструкции старых актуальной проблемой выступает создание гармоничной взаимосвязи современной и традиционной культур» [7, с. 3]. В данном вопросе, по справедливому замечанию исследователя, «научно обоснованный поиск решений этой проблемы невозможен без учета эволюционных связей исторических эпох и преемственности традиций» [7, с. 3]. Указанное обстоятельство ведет к повышению внимания к историко-культурному наследию регионов с целью сохранения своеобразного национального колорита в современной архитектуре и ландшафтном дизайне.

Характеризуя соприсутствие изучаемых векторов развития гостиничной архитектуры, необходимо указать, что в республике они представлены достаточно ярко, с учетом их полярных и смешанных форм.

Первый вектор — преимущественной архитектурной стандартизации — находит свое проявление в гостиницах и во многом «архитектурно-типовых» базах. Среди примеров особого архитектурного акцента на указанную тенденцию уместно назвать отели «Югославский» и «Алира Пзлас», расположенные в пределах парка-отеля «Ая» на сопряженной территории с Республикой Алтай. Там же рядом располагается «Алтайская Ривьера» — самый большой комплекс бассейнов в России, построенный по мировым стандартам в 2017 г. Символом парка стала беседка на озере, выполненная в классическом стиле. Турбаза «Юность» на берегу Катуня является одной из самых старых и «заслуженных» баз отдыха Горного Алтая; она расположена на правом берегу Катуня в 2 км за селом Союзга, на живописной речной террасе. Также уместно отметить стандартизированные и в некоторых случаях эклектичные отели, такие как: «Усадьба Ника» (с. Узнезя); гостиничные комплексы «Ареда 1», «Ареда 2-3» (Урочище Ареда, с. Чемал); гостиница «Салют», расположенная при въезде в село Узнезя; и другие. Наконец, обращают на себя внимание такие туристические комплексы, как «Силагор», гостиница «Солнечная» и турбаза «Берёзка», расположенные среди живописных гор в пос. Катунь Алтайского края. Многие подобные сооружения строились в советское время. Кроме того, данный вектор находит свое проявление и в наши дни. Проследить историко-культурные образы в подобных сооружениях достаточно трудно. Отпечаток местной историко-культурной колористики в них порой

не выражен, и многие такие сооружения могли бы располагаться и в других регионах.

Если обобщить, то можно сказать, что в этом направлении туристическая сфера региона пытается предоставить потребителю архитектуру европейского уровня и комфорта, вполне привычную вкусам современного массового потребителя туристической отрасли.

Второй вектор в гостиничной архитектуре Горного Алтая связан со стремлением отказаться от стандартных и функционально-типовых архитектурных решений, с опорой на уникальность проектов, включая их соотносённость с особенностями местных культур; данный вектор также получил распространение на территории республики. Особенностью представленного региона является богатство различными историко-культурными традициями, многие из которых уходят корнями в глубокое прошлое. Например, в современных гостиничных комплексах достаточно часто можно выделить образы и формы, соответствующие традиционным жилищам алтайцев, русского казачьего и старообрядческого населения, а также традициям других, в том числе и археологических культур, нашедших свой кров в горах Алтая.

Как следствие, на Алтае получили распространение несколько типов жилищ, возникших в контексте различных историко-культурных традиций и контактов: «Срубное жилище свидетельствует об оседлом образе жизни, войлочное — о кочевом, каркасное — больше присуще охотникам и рыбакам таежной зоны» [8, с. 178]. В частности, в качестве основных архитектурных форм традиционной культуры алтайцев воспроизводятся **аилы**: «Чаще всего это четырех- или шестиугольное сооружение — *чертпе (или чеден) айыл* с конусообразной или полусферической крышей и дымовым отверстием *тундук*» [8, с. 176—177]. Аилы строились из бревен, досок и жердей, поставленных почти вертикально с небольшим наклоном внутрь. Сверху аил покрывался корой, берестой или тесом (начиная со втор. пол. XIX в.). Примечательно, что в настоящее время аилы становятся преимущественно летними жилищами. Кроме того, в XIX в. на летних пастбищах широкое бытование имели **войлочные юрты** (*кийис*, или *кереге*), которые в наше время встречаются не так часто. Также редкостью становится **конусообразное жилище**, покрытое корой лиственницы или березы. Алтайцы называют такое жилище — *содон аил, чадыр, аланчык*. По

мнению многих ученых, данный тип жилища является наиболее древним из жилищ, нашедших широкое распространение у народов Сибири. В наши дни айлы можно встретить на участках в сельских поселениях, а также в городе, рядом с домами, приспособленными для круглогодичного проживания. Достаточно активно различные айлы, юрты, а также их архитектурные элементы воспроизводятся в современной туристической отрасли. Кроме того, важной составляющей прилегающего к жилищу пространства является коновязь (*чаки*) — «символ, герб кочевого мира, в котором конь, по убеждению алтайцев, *эрдьине мал* — покровитель хозяина, залог его удачи» [8, с. 179].

Так, с опорой на следование традиционным аспектам архитектуры региона построены многие базы и комплексы (включая их отдельные элементы): например, «Уч-Энмек», на территории которого в 2014 г. в визит-центре парка (с. Каракол) была построена гостиница европейского стиля, но также и несколько деревянных алтайских традиционных жилищ — айлов и войлочных юрт. Кроме того, обращает на себя внимание эко-туркомплекс «Кочевник» (с. Чибит), на его территории можно увидеть войлочные юрты. На отдых в юртах ориентирована туристическая база «Алтай Космос» (Чуйский тракт, 483 км) и юрточный кемпинг «Тыдтуярык» (в Кош-Агачском районе), здесь можно увидеть 12 юрт, аил и арт-коттедж; также отдых в юртах предлагает турбаза «Барангол-Зеленогорье», расположенная в селе Усть-Сема; заслуживает упоминания база отдыха «У Егорыча» (в Онгудайском районе), предлагающая для размещения гостей несколько домиков-айлов, выстроенных в национальном стиле, и два современных двухэтажных дома; и другие базы. При этом в указанных комплексах все же могут смешиваться как историко-культурные, так и стандартизированные постройки.

Третий вектор, специфика которого выражена в тенденции сбалансированного смешения архитектурной стандартизации с наличием местного колорита, является наиболее распространенным в изучаемой отрасли. Дело в том, что рассмотренные выше векторы стандартизации и «духа места» в чистом виде хоть и встречаются, но все же реальность указанного сектора такова, что потребитель, желающий соприкоснуться с местной культурой, не всегда готов полностью отказаться от того уровня сферы услуг и комфорта, к которому он привык; кроме того, не стоит забывать и об экономи-

ческой составляющей вложений в гостиничный сектор. Как следствие, на фоне взаимодействия стандартизирующих и индивидуализирующих тенденций в развитии гостиничной архитектуры формируется масса ее смешанных форм. Указанный вектор можно проиллюстрировать на примере гостиницы при Центре лечебного голодания «Улутай», расположенного недалеко от села Аскат, по форме напоминающей соединенные с собой огромные айлы. Также достаточно стилизованно выглядит внутреннее убранство юрт в комплексе «Алтын-Тас» (Чуйский тракт, 545 км), приспособленных для нужд кафе.

Необходимо указать, что многие сооружения, иллюстрирующие данный вектор, соответствуют историко-культурным аспектам территории на уровне определенных заимствований, аллюзий и стилизаций; другие имеют некоторые отклонения от традиционных историко-культурных основ территории. Тем не менее в рассматриваемом вопросе необходимо учесть, что буквальное копирование форм и образов культур прошлого не всегда возможно и целесообразно. Особенно отчетливо это проявляется в том, что каждой эпохе, включая современность, присущи особые принципы организации архитектурного пространства в его функциональном, внутреннем и ансамблевом единстве, а также в связи с вмещающим ландшафтом. Точный повтор историко-культурных архитектурных форм нередко бывает излишним и неудобным для пользователей гостиничного сектора. Нынешний этап развития культуры характеризуется тем, что в условиях глобализации идет поиск компромисса на уровне архитектурных решений между их стандартизированными и индивидуализированными с точки зрения отражения «духа места» формами.

Таким образом, примеров архитектурных воплощений указанного вектора достаточно много — как соответствующих историко-культурным аспектам территории на уровне определенных заимствований, аллюзий и стилизаций, так и имеющих определенные отклонения от ее традиционных основ. В данном случае необходимо помнить, что различные культуры не стоят на месте и пребывают в постоянных культурогенетических преобразованиях, например в сложных перипетиях модернизационных процессов, которые не всегда обеспечивают органичные каналы трансляции традиций на современном этапе, порой рождая «разрывы» в историко-

генетических цепочках передачи от поколения к поколению традиционных аспектов культур. К примеру, эти тенденции достаточно ярко отражаются на уровне этнотрадиционных сувениров. Причем последние нередко провоцируют данные «разрывы», навязывая потребителю искаженные представления о культуре того или иного этноса. Указанное обстоятельство делает достаточно актуальным грамотный и взвешенный подход к вопросу отражения различных элементов и образов традиционных культур в сфере современного туристического сектора и в частности — его гостиничного сегмента.

Кроме того, в рамках изучаемого вопроса необходимо выделить еще один — *четвертый вектор* — развития гостиничной архитектуры, проявляющий себя в мировых архитектурных тенденциях, в том числе и в Республике Алтай. Речь о достаточно оригинальном направлении, *связанном с отражением при помощи архитектуры «духа места» других культур, историко-культурных зон и эпох*. Указанный вектор носит во многом противоречивый характер и имеет своих сторонников и критиков. Рассматривая положительные стороны подобного явления, необходимо отметить, что при помощи копирования и репликации памятников мирового архитектурного наследия и его историко-культурных стилизаций может быть повышена туристическая привлекательность различных локаций. Кроме того, указанная составляющая достаточно эффективна в повышении рекреационного и развлекательного потенциала туристических мест. Также отметим, что популяризация данного феномена во многом отражает тенденции глобализации культуры, распространения стереотипов и «ожидаемых» образов в современном туристическом секторе. Не стоит упускать из виду проявления фактора «постмодернистской иронии», во многом выраженного в спокойном отношении к смешению форм, образов и смыслов различных эпох в пространстве и времени. Среди примеров указанных тенденций на уровне мирового опыта можно назвать создание историко-культурных копий и стилизаций в КНР. Так, в Китае воспроизведены: Тауэрский мост в г. Сучжоу; Афинский Парфенон в г. Ланьчжоу; Эйфелева башня в г. Тиандученг; Сиднейский Оперный театр, Белый дом и статуи Моаи в Пекине; Римский Колизей в Макао; Большой Сфинкс в г. Чучжоу; пирамида Лувра в г. Чунцин; Карнакский храм в г. Вухан; Пизанская башня в г. Шанхай; многие дру-

гие достопримечательности. «Одним из ярких примеров воплощения рассматриваемых практик является тематический парк “Окно в мир” площадью 480 000 квадратных метров, созданный в курортном китайском городе Шеньчжень. На обширной территории разместились все мировые достопримечательности. Восемь тематических зон посвящены Азии, Африке, Америке, Европе, Океании; среди объектов также есть Площадь мира, Международная улица и Парк скульптур. Желающие могут побродить вокруг уменьшенной копии Сиднейской оперы, поплавать по каналам Венеции, оценить величие Парфенона, есть даже Кремль и мини-мавзолей Ленина... Словом, любой памятник к вашим услугам. Остается вопрос лишь к качеству репродукций, которые, во-первых, уменьшены, а во-вторых, всё-таки интереснее смотреть на оригинал, вписанный в контекст истории и места» [9, с. 40].

Проявления указанной тенденции обнаруживают себя и в России, в том числе и на Алтае. Однако в рамках рассматриваемого региона речь идет не о буквальном копировании шедевров мировой архитектуры, а об историко-культурных стилизациях — замки, средневековые крепости, укрепления викингов, жилища североамериканских индейцев, таверны, пирамиды, шале и другие архитектурные аллюзии и стилизации встречают гостей Горного Алтая. Достаточно показательным примером, хотя административно и относящимся к территории соседнего региона — Алтайского края, является гостиничный комплекс «Корона Алтая» на острове Пихтовый посреди реки Катунь: здание гостиницы оформлено в виде средневекового замка с башней, увенчанной короной; на остров можно попасть только по подвесному мосту. Другой пример заимствованной стилизации — обзорная площадка-пирамида «Золотое сечение» в Чемале, к которой ведет лестница из 440 ступенек. Смотровая площадка, по местной легенде обладающая лечебными свойствами и положительной энергетикой, построена из голубого стеклопластика. В соседнем регионе своеобразной стилизацией игровой культуры Лас-Вегаса является «Алтай Пэлас Отель» («Altai Palace»), расположенный на территории игровой зоны «Сибирская монета» в Алтайском крае, в долине горной речки Каим. Данный комплекс даже именуют как «Сибирский Вегас».

Среди критических положений представленных репликаций выделяются мнения, согласно которым подобного рода копии и

стилизации, размещенные в местах, не имеющих к ним историко-генетического отношения, выглядят не всегда уместными, а порой противоречащими вмещающему ландшафту. Кроме того, указанный компонент во многом нивелирует и оттеняет этнокультурную и историко-генетическую привлекательность соответствующих локаций, нередко обладающих собственным и достаточно высоким туристическим потенциалом; следование массовому вкусу может дать быстрый экономический эффект; однако в стратегическом плане, выраженном в сохранении и популяризации культурного своеобразия соответствующих регионов, указанные меры не всегда себя оправдывают. Горный Алтай является местом с богатейшими культуругенетическими напластованиями: начиная с древнейшего периода истории на его территории обосновывались и сменяли друг друга различные культуры, каждая из которых обладала уникальными чертами, а также в силу проявления «эффекта общей историко-культурной зоны» определенной преемственностью по отношению к предыдущим культурам региона.

Тем не менее необходимо учитывать, что степень историко-культурных стилизаций может варьироваться достаточно сильно — от явного следования некоему историко-культурному стилю до легких интерпретаций его мотивов. В последнем случае подобные стилизации нередко воспринимаются вполне естественно, вне поля историко-культурных заимствований — скорее, как игра форм и творческой фантазии архитекторов, которые в своей работе достаточно часто обращаются к различным стилевым и тематическим элементам. Например, к такому воспроизводству историко-культурных мотивов относятся так называемые фахверковые дома, получившие воплощение и в архитектуре гостиничных комплексов Горного Алтая. Среди примеров данного стиля в Республике Алтай можно назвать комплекс «Клевер Резолт» (Чемальский тракт, 51 км); мини-гостиница «Усадьба Кедр» с террасой, расположенная в с. Чемал; отель «Green Landiya», находящийся в с. Манжерок; курортный отель «Манжерок», расположенный в окружении зелени и живописных Алтайских гор в том же селе; спортинг-отель «Айтау» с видом на горы в с. Чемал. Эти современные комплексы придают европейский колорит архитектуре гостиниц Горного Алтая, но не несут исторической привязки к местности — зато удачно выбран-

ный стиль из природного материала хорошо сочетается с местным ландшафтом и привлекает отечественных и зарубежных туристов.

Отмеченные историко-культурные стилизации прослеживаются также в стиле «адирондак», получившем особую популярность в архитектуре гостиничных комплексов на территории Горного Алтая в 1990-е гг., что во многом стало реакцией на уходящую моду на модерновые здания. Удачной стилизацией является уникальный природно-оздоровительный комплекс «Алтай Resort», расположенный в селе Урлу-Аспак Майминского района. Среди многих сооружений гостиничного комплекса обращают на себя внимание несколько коттеджей из массива кедра в русской стилизации под адирондак. Примечательно, что такие гостиничные комплексы зачастую называют «туристическими экоотелями». Еще одним примером стилизации под адирондак является гостиничный комплекс «Орлиное гнездо», расположенный в 3-х километрах от пос. Усть-Муны на берегу р. Катунь; в том же направлении выполнен отель «Altay Sense» в сосновом лесу на берегу Катунь, в 3-х км от с. Чепош; также обращают на себя внимание: гостиничный комплекс «Лесотель» в селе Соузга Майминского района; комплекс для отдыха «Таежный угол» с видом на озеро, расположенный в пос. Тавда; комплекс для отдыха «Байгабак» в пос. Узнезя; «Алтаир» возле с. Чепош.

Заключение. Таким образом, гостиничная архитектура Горного Алтая отражает различные тенденции развития туристической отрасли, в том числе ее направленности на стандартизацию построек, а также на отражение историко-культурного колорита республики, включая смешанные формы указанных тенденций, а также вектор репликаций памятников мирового архитектурного наследия и стилизаций под различные историко-культурные эпохи. Территория Горного Алтая представляет собой уникальный историко-ландшафтный заповедник, не имеющий аналогов в мире. Гармоничный симбиоз туристических комплексов и первозданной природы Алтая может стать залогом формирования более крупных гостиничных кластеров с более амбициозными целями, чем сейчас.

Библиографический список

1. Броновицкая А. Гостиницы: особенности жанра // Проект Россия. Hospitality. 2008. № 47. С. 76—83.

2. Бенуа А. Живописный Петербургъ // Миръ искусства. 1902. Т. 7. № 1. С. [64] 1—5.
3. Минцлов С. Р. Петербург в 1903—1910 годах / подг. текста, биографич. очерк и прим. К. Н. Веселовского. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2012. 287 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Т. 21. Дневник писателя 1873. Статьи и заметки 1873—1878. Ленинград: Наука, 1980. 552 с.
5. Цветаева М. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Драматические произведения / вступ. статья Вс. Рождественского; подг. текста и коммент. А. Саакянц. М.: Худож. лит., 1984. 567 с.
6. Бондарев А. В. Отечественная культурогенетика: истоки, развитие и современное состояние (вместо предисловия) // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 7—28.
7. Терещенко Г. Ф. Художественные традиции как источник самобытности современного дизайна среды Горного Алтая : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. 17.00.04 — изобразительное искусство, декоративно-прикладное искусство и архитектура. Барнаул, 2008. 25 с.
8. Кыдыева В. Жилище кочевника // Алтай — духовный центр Евразии / гл. ред. А.М. Тарунов; 2-е изд., испр. и доп. М.: Науч.-информ. изд. центр, 2012. С. 176—179.
9. Ананьева Ю. С., Жаркова А. Г. Архитектурные копии и историко-культурные стилизации в туристической сфере // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2020. № 4 (26). С. 38—44.

References

1. Bronovickaya A. Hotels: features of the genre. *Proekt Rossiya. Hospitality* [Project Russia. Hospitality], 2008, no. 47, pp. 76—83. (In Russ.)
2. Benua A. *Zhivopisnyj Peterburg* [Picturesque Petersburg]. *Mir iskusstva* [World of Art], 1902, vol. 7, no. 1, pp. [64] 1—5. (In Russ.)
3. Minclov S. R. *Peterburg v 1903—1910 godah / Podg. teksta, biografich. ocherk i prim. K. N. Veselovskogo* [Petersburg in 1903—1910 / prep. text, biographical. sketch and approx. K. N. Veselovsky]. B. m.: Salamandra P.V.V., 2012. 287 p. (In Russ.)
4. Dostoevskij F. M. *Poln. sobr. soch. v tridcati tomah. T. 21. Dnevnik pisatelya 1873. Statji i zametki 1873—1878* [Full collection op. in thirty volumes. T. 21. Diary of a writer 1873. Articles and notes 1873—1878]. Leningrad: Nauka, 1980. 552 p. (In Russ.)
5. Tsvetaeva M. *Sochineniya. V 2-h t. T. 1. Stihotvoreniya; Poemy; Dramaticheskie proizvedeniya / Vstup. statya Vs. Rozhdestvenskogo; Podg. teksta i komment. A. Saakyanc* [Works: in 2 volumes. V. 1. Poems; Poems; Dramatic works

/ entry. article Vs. Rozhdestvensky; prep. text and comments. A. Sahakyants]. Moscow: Hudozh. lit., 1984. 567 p. (In Russ.)

6. Bondarev A.V. Domestic cultural genetics: origins, development and current state (instead of a preface). *Kulturogenез i kulturnoe nasledie / Nauch. red. i sost. A.V. Bondarev* [Culture genesis and cultural heritage / scientific. ed. and comp. A. V. Bondarev]. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2014, pp. 7—28. (In Russ.)

7. Tereshchenko G. F. *Hudozhestvennye tradicii kak istochnik samobytnosti sovremennogo dizajna sredy Gornogo Altaya. Avtoref. diss. ... kandidata iskusstvo-vedeniya. 17.00.04 — izobrazitelnoe iskusstvo, dekorativno-prikladnoe iskusstvo i arhitektura* [Artistic traditions as a source of self-existence of modern design of the Gorny Altai environment: author. dis. ... Cand. art history. 17.00.04 — fine arts, arts and crafts and architecture]. Barnaul, 2008. 25p. (In Russ.)

8. Kydyeva V. Nomad's dwelling. *Altaj — duhovnyj centr Evrazii / Gl. red. A. M. Tarunov; 2-e izd., ispr. i dop.* [Altai — the spiritual center of Eurasia / Ch. ed. A. M. Tarunov; 2nd ed., rev. and add.]. Moscow: Nauch.-inform. izd. centr, 2012, pp. 176—179. (In Russ.)

9. Ananyeva Yu. S., Zharkova A. G. Architectural copies and historical-cultural stylizations in the tourism sector. *Uchenye zapiski (Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kultury i iskusstv)* [Scholarly notes (Altai State Academy of Culture and Arts)], 2020, no. 4 (26), pp. 38—44. (In Russ.)